

Т. А. Амирова

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
ВЗАИМОСВЯЗЬ
ПИСЬМЕННОГО
И ЗВУКОВОГО
ЯЗЫКА

Т. А. Амирова

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
ВЗАИМОСВЯЗЬ
ПИСЬМЕННОГО
И ЗВУКОВОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

Ответственный редактор
член-корр. АН СССР
В.М.СОЛНЦЕВ

В книге проведено комплексное исследование структурного и функционального сходства и различия письменного и звукового языка в широком историко-лингвистическом контексте. По-новому решены или получили дальнейшее развитие такие важные проблемы, как соотношение письменности и алфавита, буквы и графемы, графемы и фонемы, графической (орфографической) нормы и графической вариативности; дана фонологическая интерпретация памятников письменности.

А 4602000000-070 КБ-4-61-85
(013-02)-85

© Главная редакция восточной литературы,
издательства "Наука", 1985.

ЯЗЫК И ПИСЬМО (Вместо предисловия)

Книга Т.А.Амировой "Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка" посвящена одной из центральных проблем графической лингвистики как общей науки о письме. Проблема взаимосвязи письма и языка в то же время является важной теоретической проблемой общей лингвистики. Ее решение требует освещения вопросов лингвистической семиотики, непосредственно связано с лингвофилософской проблемой соотношения мышления и языка, не говоря уже о целом ряде собственно лингвистических проблем.

Графическая лингвистика намного моложе лингвистики вообще, как, впрочем, и само письмо неизмеримо моложе звукового языка. Но не сравнительная "молодость" письма является причиной более позднего появления графической лингвистики как относительно автономного раздела науки о языке.

Филологическая наука, включавшая зачатки лингвистических знаний, как известно, возникла в античное время в разных странах (Греция, Индия, Арабский Восток, Китай), когда уже существовали различные системы письма. Уже в древности были представлены все основные известные разновидности письма: иероглифическое, силлабическое, звуко-буквенное, а также смешанные. Однако главный интерес древних и средневековых филологов (впрочем, как и ученых нового времени) был обращен в основном на звуковой язык, хотя последний и изучался прежде всего на основе письменных текстов. Письмо само по себе тоже всегда привлекало внимание филологов¹, но оно не выделялось в особый объект научных исследований и не рассматривалось в его отношении к звуковому языку. Только в новейшее время, когда лингвистическая теория уже сложилась и получила значительное развитие, проблемы письма, как такового, а также проблема отношения письма к языку были поставлены как самостоятельные научные задачи. Эти задачи и составили основ проблематики графической лингвистики. Для этого были и соответствующие общественно-исторические при-

¹ Так, например, древние китайские филологи на основе структурных и функциональных особенностей иероглифов, создали их классификацию, сохранившую свое значение до наших дней. Ими также был разработан метод своего рода транскрипции звучания иероглифов, т.е. запись "незнакомого" иероглифа с помощью двух иероглифов, звучание которых считалось известным. Это — знаменитый метод *фаньце* ("переворачивания и рассечения"): для указания чтения незнакомого иероглифа использовалось сочетание начальной части звучания одного и конечной части звучания другого иероглифа, почтавшихся известными. Разрабатывались и другие вопросы иероглифической письменности.

² Амирова Т.А. К истории и теории графемики. М., 1977, с.5.

чины, о которых Т.А.Амирова писала в своей предыдущей монографии, тематически и по содержанию связанной с ее новой книгой. Там же она отмечала, что "теоретические исследования соотношения между звуковыми и графическими языковыми формами есть продукт лингвистики XX в."².

Хотя в наши дни графическая лингвистика завоевала право называться общей наукой о письме, будучи в то же время частью общей лингвистики, многие фундаментальные вопросы этой отрасли знания еще далеко не прояснены. Прежде всего это касается статуса письма как средства общения (письменная форма общения) в системе средств человеческой коммуникации. Особенно важным здесь является вопрос об отношении письма к звуковому языку, поскольку с решением именно этого вопроса связано выявление собственного места письма среди средств человеческой коммуникации.

Т.А.Амирова отмечает наличие двух основных подходов к решению вопроса о месте и природе письменной формы общения: а) признание существования двух форм одного и того же языка — звуковой и письменной и б) признание существования двух разных, хотя и связанных друг с другом языков — звукового и письменного.

Сама Т.А.Амирова отстаивает второй подход и стремится развить и углубить его в своей новой книге. В концепции Амировой "письменная языковая форма" есть письменный язык, относительно автономный в определенном смысле от звукового мира. Автор приводит множество аргументов в пользу этой точки зрения, одним из главных при этом является тот факт, что материально-субстанциональное начало письменного языка коренным образом отличается от звуковой субстанции языка устного. Иначе говоря, письменные знаки и звуки (при, разумеется, соответствующей организации) образуют разные знаковые системы. Отсюда и термины — "письменный язык" и "звуковой язык", и уподобление грамотного человека билингу, в равной мере владеющему двумя языками, и характеристика перехода от звукового языка к письменному (или наоборот) как своего рода перевода.

Решая вопрос таким образом, Амирова приходит к важному, но в то же время достаточно дискуссионному выводу о том, что письменный язык выступает сам «как "непосредственная действительность мысли"», тем самым конституируя в глобальном процессе языкового общения отдельный вид коммуникации». Рассуждая чисто теоретически, конечно, можно допустить, что письменные знаки могут быть непосредственно знаками наших идей, понятий и т.п. "в обход" звуковых знаков. Но как это происходит в реальности, вероятно, без специальных исследований и экспериментов установить трудно. Ниже я еще вернусь к этому вопросу.

Книга Т.А.Амировой вводит читателя в широкий круг вопросов, без учета которых вряд ли возможно решить и саму проблему взаимосвязи языка и письма. Автор показывает, что многие, казалось бы, очевидные аспекты данной проблемы в действительности очень сложны и требуется привлечение и учет многих данных, как лингвистических, так и экстралингвистических, для адекватного освещения этих аспектов и для решения проблемы в целом.

В чем же сложность проблемы взаимосвязи языка и письма? На мой взгляд, сложность этой проблемы определяется двумя моментами, свойственными письму. С одной стороны, письмо есть созданная людьми

вспомогательная знаковая система, которая используется для фиксации ("изображения") звукового языка (и соответственно звуковой речи). С другой стороны, это есть относительно самостоятельная система коммуникации, которая, реализуя свою функцию фиксации устного языка (речи), т.е. функцию служить знаковым обозначением другой знаковой системы, приобретает в обществе целый ряд относительно самостоятельных функций, благодаря которым открывает перед людьми, как констатирует Амирова, дополнительные и весьма важные возможности углубления и расширения человеческого общения.

Мне представляется, что вся сложность проблемы взаимосвязи языка и письма состоит в том, что обе эти стороны оказываются характерными для письма.

Развитое письмо, несомненно, приобретает способность служить относительно автономным средством коммуникации, но при этом оно не утрачивает и своей роли фиксатора звукового языка³. Образно говоря, отношение языка и письма напоминает отношение хозяина и слуги, поднявшегося до положения компаньона, но сохранившего при этом положение и качество слуги. Подобный двойственный характер письма создает возможность соскальзывания в одну или другую крайность: либо на позицию признания письма исключительно подсобным средством, которое используется для записи звукового языка и не имеет особых коммуникативных функций, отличающихся от коммуникативных функций звучащей речи, либо же на позицию признания письма самостоятельной коммуникативной системой, т.е. неким особым автономным языком, хотя и имеющим связь со звуковым языком, но реализующим свои коммуникативные функции вполне независимо от звукового языка.

Настоящая книга Т.А.Амировой как будто избегает этих крайностей. Тем не менее автор склонен подчеркивать и выявлять все, что придает письму относительную независимость, и тем самым встает на позицию, как уже отмечалось выше, признания письма относительно независимым языком, что отражено и в заглавии книги. На определенном этапе изучения соотношения языка и письма, может быть, особое внимание к одной из сторон проблемы оправдано. Максимально подробное выявление специфики письменной формы человеческой коммуникации само по себе очень важно для разработки теории общей графической лингвистики. Другое дело — дискуссионность ряда положений авторской концепции, в которой отражены спорность и недостаточная изученность соответствующей проблематики в науке. Это уже есть объективная картина степени разработанности графической лингвистики.

Дискуссионность ряда аспектов взаимосвязи языка и письма побуждает несколько ближе рассмотреть эти аспекты. Наиболее важными и в то же время наиболее спорными из всей проблематики "язык-письмо" мне представляются три вопроса: а) роль письма как фиксатора звукового языка, б) особые черты письменной формы коммуникации и в) связь письма с мыслительной деятельностью.

³ Особой оговорки требуют мертвые языки, сохранившиеся в виде письменных текстов, а также языки, в течение длительного времени использовавшиеся как средство письменного общения (так называемые *лингва-романа* в средневековой Европе, *эзньян* в Китае вплоть до XX в.). Функция фиксатора звукового языка присуща этим письменным формам в ретроспективе: любой мертвый язык, когда-то был живым.

Историки письма свидетельствуют, что появлению письма предшествовал длительный период, в течение которого человечество как бы готовилось к созданию письма⁴. Предшественниками письма, как известно, были, например, зарубки на дереве и на других материалах, узелки "на память" и другие средства напоминания о прошлых или грядущих событиях. К предшественникам письма, видимо, нужно относить различные наскальные рисунки и изображения и орнаменты. Все эти средства в той или иной мере имели знаковую природу и использовались как своего рода знаки. Как известно, и современный человек широко пользуется такими знаками как вспомогательными средствами фиксации каких-либо идей, соображений и т.п. ("Эй, завяжи на память узелок..." — Грибоедов).

Характерная особенность предшественников письма состояла в том, что эти средства не были непосредственно связаны со звуковой речью. Они фиксировали не конкретную речь, а некоторые совокупности идей, в которых отражались какие-либо ситуации, события, факты, а также различные планы, намерения и т.п. Процесс становления письма мы реконструируем гипотетически, хотя и с довольно большой долей вероятности, поскольку у ряда народов и в наши дни обнаруживаются такие предшественники письма. Ч.Лоукотка полагал, что древнейшие пиктограммы — схематизированные рисунки изображали события, обычно выражавшиеся целыми предложениями. "Таким образом, каждый рисунок обычно соответствует одному предложению"⁵. Если такая ступень существовала, то это было "предписание". Становление собственно письма произошло по мере того, как от "изображения" комплекса идей, выраженных в предложении с помощью схематизированных рисунков, люди перешли к изображению отдельных единиц звукового языка — слов, а затем, комбинируя знаки, изображающие отдельные слова, стали вновь фиксировать, но уже расчлененно, предложения и более длинные "куски" речи. Древнейшие системы письма были логографическими (иероглифическими)⁶. Каждому слову соответствовал определенный знак. Каков механизм изображения слова письменным знаком — иероглифом? Иероглиф передает не звуковые элементы, из которых состоит звуковая оболочка слова, а звуковую единицу и тем самым ее звуковую оболочку целиком. Иначе говоря, письменному знаку приписывается "чтение" в виде звуковой оболочки данного слова (или в современном иероглифическом письме — морфемы). Поскольку иероглиф воспроизводит звучание единицы языка в целом, постольку ему приписывается и значение записываемой единицы. Письменный знак в иероглифическом письме, таким образом, фиксирует единицу языка как двустороннюю величину — и ее звучание, и ее значение. Поэтому каждый иероглиф имеет и звучание и значение, которые приписаны ему общественной

⁴ См., например, Лоукотка Ч. Развитие письма. Пер. с чешского. М., 1950: "То, что мы относим к мнемонической ступени развития письма, в действительности еще не письмо, это лишь подготовительная ступень, первый шаг на далеком и трудном пути" (с. 20).

⁵ Ч.Лоукотка. Цит. соч., с. 21.

⁶ Современное иероглифическое письмо, например китайское, строго говоря, является уже не логографическим, а скорее морфемографическим. В китайском письме отдельный иероглиф записывает либо морфему (знаменательную или служебную), либо одноморфемное простое слово.

практикой. Особенность иероглифа как знака состоит в том, что он указывает одновременно и на звучание единицы, и на ее значение. Тем самым у иероглифического знака оказываются как бы два обозначаемых. Из практики пользования иероглифическим письмом известно, что можно "забыть" либо звучание, либо значение. В первом случае мы "понимаем", что обозначает знак, но не можем его воспроизвести с помощью звуков; во втором случае мы "читаем" иероглиф, но не знаем идеи или значения той единицы, которая записана этим иероглифом. Если мы "забыли" и звучание и значение иероглифа (или просто встретили незнакомый иероглиф в тексте), то мы не можем ни "прочитать", ни "понять" этот знак. При строго выдержанном логографическом письме требуется столько же письменных знаков, сколько имеется слов. Однако поскольку в современном иероглифическом письме иероглиф используется для записи морфем и простых слов, из которых образуется огромная масса производных и сложных слов, то количество иероглифов, необходимых для записи звукового языка, неизмеримо меньше количества слов в языке. Так, для чтения современного китайского газетного текста требуется знание не менее четырех тысяч иероглифов. Но и это количество достаточно велико и требует затраты значительного времени и усилий для освоения. На овладение иероглифическим письмом нужны годы, причем не только для иностранцев, но и для носителей соответствующего языка.

На ином принципе построено звуко-буквенное письмо⁷. Знаки звуко-буквенного письма — буквы обозначают не двусторонние единицы как целостности, а только звуковые единицы — фонемы, репрезентируемые звуками. Буквы — это знаки, с помощью которых обозначаются односторонние единицы языка — фонемы. Поэтому у буквы имеется только одно обозначаемое — звук (звукофонема). Если иероглиф, записывая двустороннюю единицу как целое, сам уподобляется двусторонней единице, имеющей материальную сторону (план выражения) и значение (план содержания), то буква, подобно фонеме, уподобляется односторонней единице: самостоятельного значения она не имеет. Ее "значение" — это та фонема, которую она изображает. Звуковые оболочки слов и морфем изображаются сочетаниями букв (частный случай — одна буква, если звуковая оболочка слова или морфемы состоит из одного звука). Знание букв какой-либо системы письма (т.е. знание правил их звукового воспроизводства и комбинаторики) позволяет "прочитать", т.е. воспроизвести в звуковой форме, любой текст, даже если значения слов, составляющих этот текст, неизвестны.

При чтении иероглифического и звуко-буквенного текста на недостаточно знакомом иностранном языке могут сложиться следующие ситуации.

⁷ Из-за ограниченного объема настоящей статьи я не касаюсь слогового письма, которое в принципе сходно со звуко-буквенным, так как оно изображает не двусторонние единицы как нечто целое, а слоги независимо от того, являются они носителями значения или просто частями звуковых оболочек слов и морфем.

(1) Известно "звучание" и "значение" письменной единицы, т.е. известно слово (морфема), записанное этой единицей. (2) Письменная единица (иероглиф) неизвестна. Ее нельзя ни "понять", ни "прочитать". (3) Известно "звучание", но забыто (или не было заучено) "значение" единицы. Случай сходен с ситуацией в буквенном письме. (4) Известно "значение" иероглифа, но забыто (или не было заучено) "звучание" единицы. Иероглиф можно "понять", но нельзя "прочитать".	(1) То же самое. (2) Случай невозможен. Знание алфавита позволяет "прочитать" (озвучить) любую единицу, даже если ее семантика неизвестна. (3) Обычная для буквенного письма ситуация. Можно "озвучить" ("прочитать") единицу, но смысл ее неизвестен. (4) Случай, невозможный для буквенного письма. Если известно "значение" записываемой единицы и известен алфавит, то всегда можно "прочитать" (озвучить) эту единицу.

Что касается случая (4) в иероглифическом письме, то сущность этого случая не вполне ясна. Здесь материальной "оболочкой" значения является либо сам письменный знак, либо же звучание слова (морфемы) родного языка. Так, иероглиф который записывает слово *жэнь* 'человек', имеет в китайском языке звучание *жэнь* и значение "человек". Если мы забыли звучание китайского слова *жэнь*, но помним значение иероглифа, то мы можем прочитать этот иероглиф по-русски: "человек". Кстати, в японском письме имеется как китайское, так и собственно японское чтение этого иероглифа — *hito*. Говоря, что в японском этот иероглиф читается *hito*, мы фактически имеем в виду, что данный иероглиф записывает японское слово *hito*, причем записывает это слово целиком. Именно запись единицы звукового языка целиком позволяет использовать одни и те же иероглифы в разных языках для записи слов, имеющих одно и то же значение, но совершенно разное чтение, как, например, кит. *жэнь* ('человек') и яп. *hito* ('человек'). Как известно, одни и те же иероглифы по-разному читаются в китайских диалектах и имели особое чтение, когда использовались во вьетнамском и корейском языках. Буквенное письмо указывает только на звучание, поэтому единицы разных языков с "одним и тем же" значением в письменной буквенной записи звучат по-разному. Разные способы записи единиц звукового письма при иероглифическом и буквенном письме теоретически создают возможность существования двух прямо противоположных ситуаций: можно читать вслух буквенный текст, не понимая ни одного слова, и, наоборот, можно "понимать" иероглифический текст, не будучи в состоянии озвучить ни одного иероглифа (или, быть может, озвучивая их на каком-либо другом языке). В чистом виде такие ситуации на практике обычно не встречаются, но частично мы сталкиваемся с ними на каждом шагу.

Сравнивая механизм использования иероглифического и звуко-буквенного письма, мы видим, что и тот и другой виды письма находятся в совершенно определенном отношении к звуковому языку. Они "изображают" звуковой язык и следуют за ним как тень. При этом буквенное письмо изображает только звуковую сторону единиц звукового языка. Поэтому знание алфавита делает для нас звуковую сторону языка данностью, но еще ничего не говорит о значении единиц звукового языка. Иероглифическое письмо служит средством записи единиц звукового языка как целостных двусторонних единиц. Поэтому иероглиф как письменный знак указывает и на звучание (как целое, не пофонежное) и на значение единиц языка.

Если сравнить иероглиф и букву с точки зрения их роли в записи звукового языка, то можно сказать, что иероглиф, как и буква, "изображает" звучание, причем звучание целой звуковой единицы. С этой точки зрения иероглиф есть "буква" для слова или морфемы. Поэтому-то "иероглифический алфавит" и насчитывает столь большое количество "букв"-иероглифов.

Любой письменный текст может быть "озвучен" и превращен в устный текст. Если теперь мы сравним эти два текста, то увидим, что у письменного текста нет иной грамматики, чем у устного текста, если только это не запись "мертвого" языка типа древнего китайского языка (*вэньян*), нет особой лексики. У письменного текста и устного текста разный субстанциональный материал — соответственно графические изображения или звуковые волны.

Если представить звуковую и письменную формы человеческого языка в виде трех уровней — у звукового языка: 1) фонетика, 2) лексика, 3) грамматика; у письма: 1) письменные знаки, 2) лексика, 3) грамматика, — то окажется, что различие касается только первых уровней. По сути дела, письмо как совокупность знаков соответствует фонетике. По-видимому, строго говоря, сопоставимыми объектами являются не язык и письмо, как мы обычно говорим, а фонетика и письмо. Иначе говоря, письмо — это "фонетика письменного языка". Различие между устным и письменным языком не структурное, а субстанциональное. Их структуры изоморфны. Грамматические правила у них одни и те же. Лексика различается не своими значениями, а своей материальной оболочкой. Так, если мы возьмем слово *дерево*, то в устной речи оно представлено комплексом звуков, а на письме — комплексом букв, каждая из которых соответствует звукам в слове *дерево*. Различие в материальной субстанции на значение "дерево" никак не влияет.

Итак, можно констатировать, что письменный язык — это иное бытие устного языка, это использование иной субстанции, но структурированной изоморфно устному языку для фиксации звукового языка. С этой точки зрения и в этом отношении я склоняюсь к формуле, отличной от той, которой придерживается Т.А.Амирова. Я полагаю, что имеются основания говорить о двух формах одного и того же языка — устной и письменной. Ниже будут приведены дополнительные аргументы в пользу этого мнения.

Различие этих двух форм, как мы видим, субстанциональное. Но различие субстанций не проходит бесследно. Т.А.Амирова, на мой взгляд, совершенно права, когда связывает различия языка и письма прежде всего с их разной субстанциональной природой. Другое дело, как далеко простираются эти различия и как их оценивать. Видимо,

при оценке степени расхождения письма и языка нужно иметь в виду структурную изоморфность устной и письменной форм коммуникации и единую систему значений.

Рассмотрим теперь, в чем же состоят основные отличия письменной формы языка от устной. Т.А.Амирова справедливо, с моей точки зрения, отмечает разную функциональную роль в обществе устного языка и письма.

Если произнесенное слово живет ровно столько, сколько колеблются звуковые волны, то написанное слово может жить века. Это как раз и связано с различной субстанцией языка и письма.

В силу своей "устойчивости" и способности к длительному хранению, а также благодаря возможности многократного обозрения письменный текст, как правило, отличается большей степенью нормированности, упорядоченности и стандартизации, чем устная речь. Можно считать, что само явление нормирования в широких масштабах возможно лишь в условиях существования письменной фиксации устной речи. Бесписьменные языки, конечно, имеют свои нормы и стандарты, но они более зыбки и текучи, чем в языках с письменной традицией. Нормированность, стандартизация письменного языка отражается и на устном языке. Грамотные люди сплошь и рядом говорят "книжно". В то же время стихия устной речи обычно далеко выходит за рамки нормированной "правильности". Это хорошо известные факты. С помощью письменных знаков любая устная речь, включая просторечие и сленги (жаргоны), может быть зафиксирована на бумаге. И, наоборот, любая, даже строго нормированная, письменная речь может быть превращена в звучащую речь (доклад лектора, "читающего" свое выступление).

Из истории языков, имеющих письменность, известно, что между устной и письменной формами языка со временем может возникать определенное расхождение, образуются, как принято говорить, своего рода "ножницы"; связано это, конечно, с субстанциональным различием устной и письменной форм языка.

В образовании таких "ножниц", пожалуй, ярче всего проявляется различие между двумя формами языка, которое при значительном углублении может привести к своеобразному обособлению письменного языка от устного, к феномену уже не двух форм "одного и того же языка", а действительно к двум разным языкам с разной грамматикой и значительно разошедшейся лексикой. В этом случае возникает необходимость говорить о "переводе" с одного языка на другой. Примером такого расхождения устного и письменного языков может быть старый китайский письменный язык *вэньян*, который в течение многих веков служил исключительно письменной формой общения, хотя текст, написанный на *вэньяне*, всегда мог быть "озвучен"; в результате получался "звуковой текст", существенно (и по грамматике и по лексике) отличный от языка устного общения.

Некогда *вэньян* был письменной формой древнего китайского звукового языка. Об этом свидетельствуют такие древнейшие китайские литературные памятники, как, например, "*Шицзин*" — собрание народных песен, поучения в виде бесед и притч древнекитайских мыслителей, а также письменный памятник "*Мэнцзи*". Содержание и характер этих и других древних письменных памятников достаточно убедительно показывают, что соответствующие тексты были фиксациями устной речи того времени. Канонизация классических текстов, требование писать так, как написаны эти тексты, привели к консервации грамматических и

лексических норм языка древних текстов. В последующих сочинениях эти нормы воспроизводились в "первозданном" виде. Отход от них не допускался. Так постепенно произошел отрыв письменного языка от устного, который непрерывно изменялся. Углублению "ножниц" между письменным языком и устным языком, по-видимому, способствовал иероглифический характер письма. В отличие от букв, которые, "изображая" звук, тесно "привязывают" письмо к устной речи, иероглиф, как мы знаем, имеет значительно более слабую связь со звуковой стороной речи. Иероглиф в каждую новую эпоху "читался" в соответствии с произносительными нормами этой эпохи. В силу этого иероглифика мало способствовала увязке письменной формы языка с устной. Последствия для китайского языка были грандиозными. Устный язык развил сильно отличающуюся грамматику (новая морфологическая система, новая система служебных слов, значительные сдвиги в синтаксисе, переход от односложной нормы слова к двусложной и т.п.) и в полном смысле слова стал другим языком. Между старым и новым языками существуют отношения "перевода". Первые образцы нового языка, отражавшего изменения в языке устного общения, зафиксированы также в иероглифической записи в первой половине I тысячелетия н.э. (то были записи проповедей буддийских монахов). Новый язык развивался в двух формах — устной и письменной, все более отдаляясь от старого письменного языка (взынъя). Последний же вплоть до XX в. широко использовался как чисто письменное средство коммуникации. В результате в Китае сложилась ситуация двуязычия. В китайском обществе функционировали два языка, существенно различавшиеся по своему строю, хотя и связанные генетически. Нечто сходное имело место в отношениях латыни и новых романских языков (французский, испанский и т.д.), в отношении церковнославянского и русского или других славянских языков. Складыванию ситуации двух языков, конечно, в громадной мере способствовала письменность, с помощью которой "консервировался" некогда живой язык устного общения, превращавшийся постепенно в средство исключительно письменного общения. Такой письменный язык хотя и может быть озвучен, однако его нормы настолько расходятся с нормами используемого в данном обществе звукового языка, что он уже совершенно непригоден для устного общения. В отношении описанных случаев полностью применимы дефиниции "устный язык" и "письменный язык".

Что же касается функционирующего в обществе в данную историческую эпоху звукового языка, то его письменная фиксация не создает нового языка. Современный русский язык при письменной фиксации не превращается в другой язык, хотя его "фонетика" заменяется на письменные знаки — "графетику". В пользу того, что письменная фиксация не создает нового языка, в дополнение к сказанному выше (нет ни особой грамматики, ни лексики) можно добавить, что в письменной форме могут быть зафиксированы все стили звукового языка, включая просторечие. Некоторые жанры литературы, например драматургия, целиком построены на фиксации всех оттенков звуковой речи. Именно поэтому приходится констатировать, что письменная форма как тень следует за всеми разновидностями устного языка. Именно поэтому письменная форма языка была и остается основным источником сведений о структуре и лексике языка.

И все же письменная фиксация устной речи, вероятно, с самого начала в силу своего субстанционального отличия несет в себе потен-

цию относительно автономного развития и относительной независимости от устного языка, что проявляется в следующем.

Во-первых, письменная форма речи обладает стилиобразующей функцией, способствуя складыванию разных видов книжно-письменного стиля — научного, делового, публицистического и т.д. Стилиевая дифференциация, как известно, проявляется в преимущественном употреблении тех или иных грамматических форм и конструкций и в специфическом использовании или выборе лексики.

Во-вторых, графическая субстанция письменного языка порождает ряд явлений, присущих только письменной форме языка. Перечислим такие явления. Так, в современном китайском языке местоимения 3-го лица независимо от того, обозначают они лиц мужского или женского пола, животных или неодушевленные предметы, произносятся всегда одинаково — *та* (в так называемом первом, или ровном, тоне). Иначе говоря, в современном китайском языке имеется лишь одно местоимение 3-го лица с соответствующим кругом функций. На письме же явно под влиянием европейских языков, обладающих или разными родовыми формами местоимений 3-го лица (рус. *он, она, оно*), или просто разными "родовыми" местоимениями (англ. *he, she, it*), используются модифицированные иероглифы для обозначения лиц мужского и женского пола и неодушевленных предметов (*他* 'он', *她* 'она' и *它* 'оно' или 'он', если речь идет о неодушевленном предмете). В этом случае используется особенность иероглифики для дифференциации того, что звуковой язык не различает. На письме появляется что-то вроде "родовых" различий. Поскольку иероглифы, как уже говорилось, не фиксируют отдельных звуков, а записывают звуковую единицу целиком, то разные иероглифы можно читать одинаково, точно так же как один и тот же иероглиф можно произносить по-разному. Отмеченное явление вполне автономно от звукового языка, и нет оснований полагать, что дифференциация местоимений 3-го лица на письме "по родам" как-то скажется на звуковом языке. Мы наблюдаем параллельное существование явлений. То, что в устном языке понимается или подразумевается из контекста, на письме получает внешнее выявление. Вряд ли можно считать, что в китайском языке в устной его форме отсутствует категория рода у личного местоимения 3-го лица, а в письменной форме наличествует. Довольно часто наряду с модифицированными знаками используется только один "исходный" иероглиф во всех функциях "мужского, женского или среднего рода". Это иероглиф *他* *та*.

Во вьетнамском языке, который типологически сходен с китайским, уже с XIX в. используется афавитное буквенное письмо (латинские буквы и буквосочетания с добавлением некоторого количества диакритических знаков). Буквенное письмо позволяет создавать эффекты, исключенные в звуковом вьетнамском языке. Так, в изолирующих языках Восточной и Юго-Восточной Азии (в том числе в китайском и вьетнамском) действует закон морфологической значимости слога. В силу этого закона слоговое деление, как правило, совпадает с морфологическим и минимальным носителем смысла; звуковой оболочкой морфемы или простого слова может быть только тонированный слог, но не отдельный звук⁸. Вследствие этого в языках данной типологии

В ряде языков, например в кхмерском, нет тонов, а отдельные согласные достаточно могут быть носителями морфемного значения. Но и в этих языках фактически начал действовать закон морфологической значимости слога.

аббревиатур, образованных только из отдельных звуков, не бывает. Мельчайшей звуковой частью аббревиатуры в этих языках является слог. Между тем на письме возможны аббревиатуры, образованные из начальных согласных букв. Например, вьетнамское слово *dông chi* 'товарищ' на письме может быть сокращено до первых букв *d/c*, если оно стоит перед именем или фамилией, однако "произнести" это сокращение можно только как полное слово *dông chi*. На письме допустимы многобуквенные согласные сокращения, которые, однако, всегда "воспроизводятся" не сочетаниями согласных звуков, которые, кстати сказать, исключены или чрезвычайно ограничены в языках этого ареала, а только полностью. В данном случае также нет оснований полагать, что письменный тип аббревиатур окажет влияние на устный язык. Этому препятствуют закон морфологической значимости слогоделения и крайне незначительная (или в ряде языков вообще отсутствующая) сочетаемость согласных звуков.

Я уже отмечал, что письмо может "консервировать" то состояние звукового языка, которое имелося века назад. Так, целый ряд морфологических изменений слов (окончаний), существовавших во французском языке несколько веков назад, сохранился в письменной форме и исчез в устной. При звуковом воспроизводстве французского письменного текста эти ставшие только "письменными" формы не "произносятся". Письменная форма французского языка донесла до наших дней те особенности языка, которые были присущи французскому языку столетия назад. Но это вовсе не означает, что в письменной форме французского языка развилась особая грамматика, отличная от грамматики устного языка. В ней сохранились более старые нормы, которые по традиции заучиваются при обучении письму, но игнорируются при звуковом воспроизводстве. Можно ли считать положение, сложившееся в современном французском языке двуязычием? Полагаю, что нет. Здесь картина принципиально отлична от той, с которой мы сталкиваемся в Китае с его двумя языками — байхуа и вэньянем. Французская письменность по-прежнему есть средство записи лишь одного устного языка. Однако, записывая звуковой язык (любые его проявления, включая просторечие, жаргоны и диалоги), французское письмо привносит в эту запись и следы того, что имелося в звуковом языке прежде. Французская письменность, вообще говоря, может быть реформирована и превращена в средство, которое фиксировало бы современный язык, как таковой, без отживших "примесей". По-видимому, этому препятствуют традиция и опасность создания трудностей в чтении громадной литературы, записанной традиционно со всеми "примесями" былых эпох.

Известно далее, что со временем может меняться "звуковое значение" букв и буквосочетаний. В системах письма появляются "немые" буквы и буквосочетания, сочетания букв, которым соответствует один звук, и т.д. Про современное английское письмо иногда говорят, что по-английски пишут *Манчестер*, а читают *Ливерпуль*. Это, разумеется, шутка, но вспомним, как, например, читается название главного города Шотландии *Edinburgh* — [ˈedinbərə]. Английская орфография в ее нынешнем виде, конечно, обслуживает современный звуковой язык, но также хранит в себе много следов бывшего звукового состава. Реформирование этой системы письма, видимо, также сдерживается традицией и сложившимися привычными нормами восприятия письменного текста. Вспомним, как во время обсуждения неосуществленного проекта реформы русской системы письма в 60-х годах многие из выступавших в пе-

чати категорически отказывались согласиться с более логичным порядком причин написанием слова *огурцы* вместо закрепленного традицией и привычного написания *огурци*.

На примере французской и английской систем письма можно видеть неравноправие и отсутствие рядоположенности письма и языка. Язык развивается стихийно-исторически и непрерывно. Люди, как правило, вносят в язык изменения неосознанно. Очень важными чертами языкового изменения являются непрерывность и постепенность. Совсем иначе изменяется письмо. Будучи "рукотворным" созданием людей, письмо изменяется не стихийно-исторически и непрерывно, а в силу сознательных актов людей, вносящих изменения в письмо по мере надобности, создающих письмо для бесписьменных народов или заменяющих одну систему письма на другую. Так, уже в советское время были созданы письменности для ряда бесписьменных народов, а некоторые народы нашей страны перешли с арабской графики на кириллицу. Ничего подобного делать с языком нельзя. В язык нельзя произвольно вносить те или иные изменения, отменять, изобретать новые формы или заменять одни формы на другие. Воздействие людей на язык, которое обычно называют нормированием, стандартизацией или кодификацией, проявляется обычно в виде отбора из уже существующих вариантов языковых средств таких, которые почитаются по тем или иным причинам образцовыми. Отобранные образцы фиксируются в нормативных грамматиках, учебниках и пособиях для употребления в качестве предписываемой или рекомендуемой нормы. В этом процессе воздействия людей на язык письмо играет важную роль как фиксатор отобранных и рекомендованных языковых средств. Без письменной фиксации, как уже отмечалось выше, вероятно, никакое серьезное нормирование языка вообще невозможно. В этом одно из важнейших назначений письма. Однако при всей своей громадной роли в человеческой коммуникации письмо все же остается слугой звукового языка, хотя и обладает такими функциями, которых устный язык иметь не может. В этом и проявляется относительная автономность письма.

Теперь коснемся третьего из поставленных выше вопросов — о связи письма с мыслительной деятельностью. Этот вопрос составляет один из аспектов общей проблемы взаимоотношения языка и мышления. Звуковой язык, как известно, есть система звуковых сигналов (знаков), с помощью которых говорящий "сообщает" свои мысли слушающему. В действительности мысль не передается слушающему буквально. "Сообщение" другому тех или иных мыслей есть в действительности пробуждение в голове слушающего мыслей, аналогичных мыслям говорящего⁹.

Являясь средством внешнего выражения мысли, язык в то же время есть средство упорядочения и организации мыслительного процесса, протекающего в головном мозгу человека. Часто можно встретить утверждение, что язык — основа мышления и что мышление протекает на базе языка. Думаю, что такое утверждение нельзя понимать буквально, так же как нельзя буквально говорить о передаче мыслей. Мышление есть атрибут высокоорганизованной органической материи — человеческого мозга — и может осуществляться только на базе мозга. "Нео-

⁹ Об этом в свое время писал еще А.А.Потебня: "... посредством слова нельзя передать другому свои мысли, а можно только пробудить в нем его собственную ..." Потебня А.А. Мысль и язык. Т.1. Одесса, 1922, с.152.

душевленная" неорганическая материя, каковой является звуковая материя языка или любая другая материя, из которой "делаются" звуковые системы, не может в буквальном смысле быть "носителем" или основной протекания мысли. Звуковой язык как система знаков, имеющих значение, т.е. указывающих на определенное мыслительное содержание, может быть только "помощником" процесса мышления, средством его упорядочения и "внешнего выявления". Роль этого "помощника" мысли в осуществлении мышления очень велика. Сознательные мыслительные акты могут происходить в мозгу, видимо, не только при участии языка. Так, многие из нас имели не раз возможность наблюдать вполне осознанные и логически правильные действия людей, органы речи которых заняты разговором, не имеющим отношения к совершаемым действиям.

В свое время мне уже приходилось отмечать это¹⁰. В научной литературе все чаще поднимается вопрос о возможности невербального мышления¹¹. Однако, вероятно, без организующей и упорядочивающей роли языка мышление вряд ли может реализовать всю свою мощь и все свои потенции. Каким образом язык реализует эту роль? Язык теснейшим образом "сцеплен" с мышлением значениями своих форм, конструкций, слов. Языковые значения — это своего рода некие константы мыслительной деятельности, факты сознания, это идеи и понятия, выработанные коллективами людей в их практической деятельности¹². Эти факты сознания и составляют значения языковых знаков, т.е. они суть то, на что языковые знаки указывают. Комбинируя языковые знаки, люди фактически комбинируют их значения, т.е. "константы сознания", порождая, таким образом, бесчисленное количество новых мыслей. Новые мысли (их логическая форма — суждения и умозаключения) и структурируются языковыми формами, в частности конструкциями предложений.

Если содержание мышления (отраженный и превращенный в идеальную форму в голове человека внешний мир со всеми порождениями творческого воображения и фантазии) и логические формы мышления интернациональны, то языковые формы (единицы, конструкции) национальны, как об этом уже писали не раз. Обусловлено это, по-видимому, тем, что "константы сознания" — значения языковых единиц и форм у каждого народа имеют свои особенности. Они вырабатываются в ходе совместной деятельности людей и поэтому приблизительно одинаковы для одного и того же языкового коллектива. Значения языковых единиц, даже обозначающих "одни и те же реалии", могут не совпадать по содержанию и объему. Хрестоматийный пример: современное русское слово *рука* покрывает значения английских слов *hand* и *arm* или значения старорусских слов *шуя* (левая рука) и *десница* (правая рука). Сплошь и рядом не совпадает "внутренняя форма" слов, обозначающих одни и те же предметы (внутренняя форма в потембинском смысле): ср. рус. *подснежник* и нем. *Schneeglöckchen* (букв. 'снежный колокольчик').

¹⁰ См. Солнцев В.М. [Рец. на:] Панфилов В.З. Взаимоотношения языка и мышления. М., 1971. — ВЯ. 1972, № 2, с.124 — 131.

¹¹ Из новейшей литературы см.: Серебрянников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983, с.76 — 112.

¹² Некоторые идеи и понятия отчетливо осознаются говорящими — это лексические и некоторые грамматические значения; другие же не осознаются — это многие виды грамматических значений.

Однако и русский и немец, употребляя каждый свои слова, имеющие разную внутреннюю форму, а стало быть, и особенности значения, прекрасно понимают, что речь идет об одном и том же цветке. Языки, таким образом, отличаются друг от друга не только разными звуковыми комплексами (*стол, table, tisch*, вьет. *bán* кит. *卓子* и т.д.), т.е. разной структурой звуковой материи, но и различием значений, своих слов, форм и конструкций. "Перевод" звуковой единицы в письменную форму изменяет субстанциональную сторону единицы, но не меняет, как уже говорилось выше, ее значения ни по объему, ни по содержанию, ни по внутренней форме. Произнесенная или записанная буквами русская единица *подснежник* имеет одну и ту же внутреннюю форму, одинаково отличающуюся от внутренней формы "звуковой" и "письменной" немецких единиц *Schneeglöckchen*.

В этих фактах я вижу еще одно подтверждение того, что письменная фиксация звукового языка не создает особого языка, а образует субстанционально иную форму одного и того же языка, тем более что значки письменного языка — "буквы" в принципе создаются изоморфно звуковым единицам — фонемам. Несоответствия, вернее, неполные соответствия между буквами и фонемами возникают, как уже говорилось, позже вследствие непрерывной эволюции звукового языка как основного средства общения.

Всегда ли при восприятии письменного текста звучание выступает как посредник между письменным текстом и мыслью? Как я уже отмечал, Т.А.Амирова по этому поводу высказывается весьма определенно, полагая, что письмо, как и язык, выступает как "непосредственная действительность мысли". Такая постановка вопроса снимает проблему посредничества звукового языка между письмом и мыслительной деятельностью. На мой взгляд, озвучивание письменного текста нередко есть обязательное условие восприятия и понимания текста. Начиная читать, как правило, при чтении "шевелит губами", т.е. непременно озвучивает текст. У многих людей озвучивание, хотя бы "про себя", становится привычкой и мешает развивать скорость чтения. Научиться быстро читать, как известно, очень нелегко. Только при определенных условиях, по-видимому, возникает возможность прямого соотношения письменных знаков со значениями, т.е. с мыслительным содержанием. Рассмотрим кратко эти условия. Известно, что встречаются люди, обладающие громадной скоростью чтения. О них говорят, что они читают не по словам и не по предложениям, а по целым периодам. При такой скорости чтения вряд ли остается время даже на микродвижение органов речи, необходимых для "внутреннего озвучивания" письменного текста. Как уже говорилось, при чтении иероглифического текста нередко возникает ситуация, когда иероглиф "узнан", но чтение его "забыто". Так, при беглом чтении иностранцем китайского текста, когда "весь психологический настрой читающего определяется китайским языком, вряд ли возможно предположить, что, например, иероглиф, китайское чтение которого забыто, "внутренне озвучивается" с помощью родного языка, тем более что такой иероглиф может записывать часть двусложного или вообще многосложного слова. Скорее всего следует допустить, что в некоторых случаях письменная форма может выступать как непосредственный знак того значения, которое выражается соответствующим звуковым знаком. В пользу этого говорит еще один эмпирически наблюдаемый факт — так называемого пассивного владения иностранным языком, когда на нем читают, но не